

ШАГ ДЛИННЕЕ ОСТАНОВКИ

(О КОРОТКОМ СПИСКЕ ПРЕМИИ «ЛИЦЕЙ-2023» —
ОТ ЧЛЕНА БЛОГЕРСКОГО ЖЮРИ ПРЕМИИ)

ИВАН РОДИОНОВ

Поэт, критик. Родился в 1986 году в г. Нотово Волгоградской области. Живет в Намышине. Автор книги «СЧетчик. Путеводитель по литературе для продолжающих». Участник «Тавриды-2020» и «Мастерской Захара Прилепина — 2020». Преподает русский язык и литературу.

Премия «Лицей» уже давно стала, как говаривали раньше, своеобразной кузницей литературных кадров. Далеко за примерами ходить не нужно, достаточно открыть список прошлогодних финалистов в номинации «Проза». Роман «Выше ноги от земли» Михаила Турбина издан в «РЕШ» и попал в шорт-лист «Большой книги», а тексты Игоря Белододеда, Марго Гритт и Екатерины Манойло вышли в издательстве «Альпина. Проза» и тоже не обделены премиальным бэкграундом. Отчасти именно потому за «Лицеем» пристально следят специалисты и простые читатели, а молодые авторы понимают: пройти в финал премии — с большой вероятностью вытянуть счастливый билет. К тому же давно подмечено: наиболее релевантное представление о среднем уровне той или иной премии дает не столько имя победителя (где возможна случайность), сколько ее короткий список.

В 2023 году издательский сервис Ridero в третий раз подряд отмечал книги финалистов в дополнительной номинации — «Выбор книжных блогеров». Блогерское жюри, состоявшее из двенадцати человек, в этом году заметно омолодилось, пополнившись выпускниками Яснополянской школы критики. Мы прочли все двадцать текстов, и если в номинации «Поэзия» пришли к подобию консенсуса (заслуженные поздравления Сергею Скуратовскому!), то по прозаикам мнения разделились, а страсти полыхали в обсуждениях и до, и после объявления победителей.

Что ж, это нормально — профессиональный уровень прозаического шорта «Лицея-2023», кто бы что ни говорил, вполне высок. Шаг вперед все же лучше, чем топтание на месте, — и такие шаги во взрослую литературу многими авторами сделаны. И, если оставить за скобками откровенно отстающие тексты, было необходимо сформулировать для себя, как разграничить тексты просто мастеровитые — и настоящую молодую литературу.

Наждый член жюри оценивал финалистов, исходя из личных представлений об объективности и качестве текстов. Лично для меня одним из важных критериев был следующий: тексты «из середины таблицы» вольно или невольно играют на темах/мотивах, выстреливших уже не раз, в том числе и, например, на предыдущем «Лицее»; хочешь не хочешь, а видишь в этом желание автора написать премиально выигрышную прозу. Плюс сюда же, что называется, транслируемая в лоб литературная актуальность. Или это одна и та же проблема? А лучшие тексты — те, которые ни на кого не оглядываются и гуляют сами по себе.

Теперь попробуем коротко рассказать о текстах прозаического короткого списка «Лицея-2023», двигаясь от слабых к сильным (по скромному мнению критика, члена блогерского жюри премии Ивана Родионова).

БОРИС ПОНОМАРЕВ, «ЖЕСТОНИЙ ФЕВРАЛЬ»

Завсегдатай коротких списков «Лицея» Борис Пономарев на этот раз выдал далеко не лучший свой текст — странный и несбалансированный роман про коронавирус, тюльпу-японку и бесчисленные горячие видения. Там и сям бросается в глаза кривенькое, неловкое, многословное: «сине-фиолетовый камуфляж» (как он маскирует и где — на Марсе?), «овчарна посмотрела зверским взглядом», «мне захотелось сделать что-то маскировочное», «мне уже не тридцать лет, а будет и не сорок»... И еще одно, шедеврально (потому что предельно серьезное): «Я был плохим русским интеллигентом, но я все-таки был русским интеллигентом и в час испытаний думал о России».

Впрочем, техника здесь не самое страшное: хороший редактор, пусть и изрядно попотев, мог бы вычистить различные несуразности. Хуже другое: подтасовка предчувствия. Автор как бы ждал чего-то страшного, догадывался. Знаки-знамения, натужная пелевинщина, намени на содержимое выеденного яйца, набранные наклонным шрифтом, — *предчувствие чего-то страшного*, выписанное задним числом, выглядит как минимум некрасиво.

ОЛЬГА ШИЛЬЦОВА, «ХОЗЯЙКА ДЛЯ НЕРБЕРА»

Что будет, если скрестить производственный роман (точнее, повесть) с наивным подростковым фэнтези? Будет «Хозяйка для Нербера». Производственный этот текст потому, что в нем есть будни ветклиники, особенности ухода за животными — и это самое живое, что есть в повести. Мифологическая же часть — ну, такое. Древняя Греция и современность — Аиды, Морфеи, Персефоны... Есть ли на белом свете авторы, которые об этом не писали? «Может быть, ты слышала про бритву Окнама?» — господи, кто про нее не слышал-то? Можно попробовать еще «Окном Овертона» читателя удивить.

Впрочем, как *young adult* для среднего школьного возраста повесть могла бы быть вполне ничего. Как наш сильно приземленный и усредненный Перси Дженсон, так сказать. Но ближе к концу текста, увы, еще и любовная интрига в духе кондового ромфанта про магические академии подъехала. Тем удивительнее второе итоговое место «Хозяйки для Нербера» в основной лицейской номинации — с чем это связано, понять решительно невозможно.

ИГОРЬ БЕЛОДЕД, «РАЗЪЯТИЯ»

А вот еще один старожил «Лицея», за которого очень обидно. Малая форма ему удается хорошо, но на этот раз Белодед будто пошел ва-банк, перегорел и переиродил ирода: его «Разъятия» стилистически переперчены поверх всяких разумных пределов.

Возможно, отчасти дело в том, что роман был представлен в сокращении — а вдруг? Ибо понять сюжет этого текста, увы, решительно невозможно — на подобном фоне Пруст или Саша Соколов кажутся авторами линейных историй. Возможно, дотошные великомудрые интерпретаторы и исследователи отыщут в «Разъятиях» некие туманные сложные лейтмотивы и невысказанные глубины. Но это не отменяет главного — текст начисто лишен всякой художественной магии и кажется предельно головным.

«Запах пепла и табака», «рубиновый поток мочи», ассоциативные потоки, Лодейников, Родионов (sic!), библейская канва, Сибирь, «язык Нольман покорно вошел Павлу в рот» — все смешалось, не хватает только конгресса и немцев.

Вот одно случайное предложение: «Он отослал Василя и его людей в сторону Новосибирска, потому что, судя по намерам, Павел ушел не один, очередная любовная история — очередная, потому что нечто подобное было с ним, когда он увел у старшего брата жену, а потом бросил ее, и никто не смог ему этого простить, проклятые женщины — плоть от плоти, а ему нужна была глина, ему нужен разинутый рот от заката до рассвета, а не уютный очажок-бочажок, и может быть, отослать от себя Леру Вулан — пусть, если родится действительно несмысленный, у него будет британское подданство, а она пускай водится с ним и перерабатывает любовь к Тюрину в любовь материнскую».

Конечно, в этом отзыве есть доля утрированности. Но помилуйте: в 2023 году расплетать густую вязь потоковой ассоциативности и отыскивать в ней прозрения — дело странное. Возможно, есть охотники и на это — но мы не из их числа.

АННА ШИПИЛОВА, «СКОРО МОСКВА»

Если кому-нибудь понадобится пример канонической, позднего разлива «прозы тридцатилетних» в вакууме — вот он. Написано хорошо, мастеровито, отточенно. И яростно, бескомпромиссно. А темы — догадаетесь?

Если раньше было оптимистическое «Сажайте, и вырастет» (по Андрею Рубанову), то сейчас — увы, уже порядком надоевшие «Сеяли и вытопчем». И да, еще в книге будут очередные девочки и институции.

Вот рассказ «Заросли» — о том, как всякий встречный и поперечный, натурально, попрекает девушку ее выросшими тут или там волосами. А надо быть собой и делать так, как удобно тебе самой, принимай свое тело, etc. В «Растущей луне» — почти то же самое: окружающие бестантно придираются к пирсингу героини (а надо, простите, уважать себя — и уважать чужие личные границы).

Рассказ «Послушная девочка» — о том, как девочку чуть не угробил хулиган, а она, увы, смиренная какая-то.

Другие рассказы — часто шаржи, и довольно злые. Про плоскоземельщиков, глупых конспирологов, любителей СССР — все они, конечно, жуткие. И как аллегории, и в прямом смысле. Особенно симптоматичен здесь рассказ «Отче наш» — это злой набор таких штампов (вплоть

до старой газеты 1984 года), что хоть святых выноси. Возможно, автора беспокоит действительно только и исключительно это — но кажется, будто он яростно заколачивает гвозди микроскопом. Что еще раз доназывает: талантом (который у автора есть) необходимо еще и анкуратно распоряжаться.

НАДЕЖДА АЛЕКСЕЕВА, «ПОЛУНОЩНИЦА»

Что ж, снова пьют здесь, дерутся и плачут. Мама Аси повесилась, и девочка опустила, потеряла себя. А нашла, попав в Работный дом на Валааме. Это такой «Дом, в котором...», где нет чуда — или, точнее, чудеса здесь иного, более жестоного порядка. Как и у М. Петросян, герои здесь часто носят прозвища (Елна, Летчин), а среди них есть неходячие — «самовары». Есть в романе еще один главный герой, Семен, и его судьба — трудиться и маяться. Перед читателем предстают изломанные люди, бешеное количество жутких зависимостей, горестей, увечий. И да — традиционный финальный пожар тоже будет, и он уравнивает всех. Но главный храм никто сжечь не сможет.

Роман успешно лавирует между жанровыми штампами. Для очередных «Несвятых святых» здесь слишком много мрака и жести, а для хтони на нудыкиной горе — не обходится без света и Бога. Да и примет современности, от речи героев до черного юмора, здесь много, чего обычно не наблюдается что в святочных, что в мрачных деревенских текстах.

Из минусов — кое-что подзатянуто, разбалансировано. Но это, как говорится, дело вполне поправимое.

РАГИМ ДЖАФАРОВ, «ЕГО ПОСЛЕДНИЕ ДНИ»

Об этом романе, вышедшем в издательстве «Альпина.Проза», написано много, да и сам Джафаров считался одним из фаворитов «Лицея». Потому — коротко.

Наждый автор рано или поздно напишет про психбольницу — даже в тenuous шорт-листе психушек целых четыре. Темой удивить сложно, но у Джафарова это в целом получается, причем (см. «Сато») уже во второй раз. Впрочем, здесь больше не о пресловутых ментальных расстройствах, но о помешательстве творческого человека. Тоже не ново, да. Автор идет в усложнение — двойник двойника двойника. Множественные умы писателя, в общем. Над поверхностным юнгианством с его тенями, отражениями и зеркалами, впрочем, автор и сам иронизирует.

Роман кое-где зятанут (примета этого сезона премии), что-то выписано излишне разжевано, как из книжек про поп-психологию. А что-то отдает — и это самое неприятное, пусть, понятное дело, это герой, а не автор, — высокомерием на пустом месте. Но финальный разворот все это во многом искупает — понимаешь, что длинноты и объяснялки такую концовку именно что оттеняли.

АННА ЛУЖБИНА, «ЮРКИЕ ЛЮДИ»

Если у деревенской прозы в России есть ближайшее будущее, то оно — в уходе, хотя бы временном, от дотошного реализма. И в симбиозе с другими жанрами — например, с той околофольклорной хтонью (в правильной дозировке). Важна здесь и интонация — чтобы это

была не всё и вся «антуализирующая» или «помещающая в контекст» оптика столичного выпускника литкурсов, но взгляд неотстраненный, живой, интересующийся.

«Юрним людям» все вышеперечисленное во многом удастся.

Да, кое-что в сборнике опять-таки не ново: рядом, пусть и по разные стороны, стоят и Дарья Бобылева, и Евгения Некрасова. Последняя отражается в «Юрних людях» то звукописью, то бестиарием — что ж, влияние молодой писательницы на начинающих коллег неоспоримо. Но все-таки перед нами не игры в ремизовщину, не «городское фэнтези» или «магический пессимизм». И сознательных игр и заигрываний с «актуальным» в книге почти нет. От этого добра Анне Лужбиной, думается, нужно бежать как от огня: долог путь от неизбежных сравнений с тем или иным автором к своему ни на что не похожему стилю. И, по счастью, на эту дорогу писательница уже вышла.

ВЛАДИМИР ХОХЛОВ, «ЗАНЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ»

Победитель «Лицея-2023» — текст во всех смыслах наиболее солидный, что ли. В книге много Петербурга-Ленинграда, почти профессорской детальности, скрупулезности. Строгий язык, умная композиция. В общем, перед нами традиционный роман о связи истории и жизни, где переплетены судьбы и эпохи. В нынешнем шорте это единственный подобный текст (такого рода книги традиционны скорее для длинных, а то и коротких списков «Большой книги»).

Само повествование тоже зрелое, классическое, немного академичное. Соответствующая эпохам речь героев, адреса, приметы, много примет — работа автором проведена чуть не архивная. А главный герой книги — город. Он здесь по-настоящему живой. Думается, прочитав «Заневский проспект», Сергей Носов одобрительно улыбнулся бы.

ДАРЬЯ МЕСРОПОВА, «МАМА, Я СЪЕЛА СЛОНА»

Эту легкую подростковую повесть отметили многие. Перед нами история падения и взлета девочки Веры, талантливой шахматистки. Велик соблазн в разборе сделать упор на спортивно-метафизическую составляющую и вспомнить «Ход королевы», а то и «Защиту Лужина», порассуждать о переплетении реальности и игры. Но тут это не главное. Даже дидактического подъема в итоге нет, повесть обрывается на единственно правильном месте — потенциально самом интересном. И это хорошо.

Между воздушной повестью взросления и назидательным романом воспитания — один шаг, и его Месропова, к счастью, не делает. «Толстую девочку без красоты и таланта» выбрасывает из замкнутого мира, где маячат жирные колбасные пальцы соперницы, сгорает измученный отец, боящийся нечетных чисел и сходящий на этой теме с ума, не работают иконки и обереги и мухлюет тренер-читер, коротающий время в баре. Вера берет на себя чужую вину за жульничество, подвергается всеобщему остракизму, попадает в больницу — и спасается, выпадает из шахматной доски. И читатель понимает: ощущения и иррациональное — сильнее логики и математики, а самое главное у героини (да и у автора) — все еще впереди.

ВИТАЛИЙ МИХАЙЛОВ, «НОМНАТА»

Мальчи́на звали [|||||||]. Почему так? Он не может запомнить (и даже прочитать) ни одного имени и придумывает всем прозвища. Потому в тексте этот заборчик будет мелькать постоянно — вместо имен живых людей и героев книг. Правда, есть некие Анна, Виолетта, Кристина — эти имена мальчик помнит. Но почему такая оптика тотальна: ни одного имени не может узнать или прочесть и читатель? А чтоб интереснее было — и, натурально, ощущаешь себя как в нолановском Memento, если бы его ремейк снял Бертон. Имена утеряны, читатель погружается в мир, где все события — странны, похищения — внешне не мотивированы, персонажи (Зеленая кепка, Ветхая Леди, Коллекционер и проч.) — таинственны.

Почти весь роман читателя путает сновидческая логика: отчего на человеческом теле цветут язвы, а у Ветхой Леди, как цветы, растут дверные ключи? Вот мальчик оказался в странном доме с бесконечными чердаками — в одной из комнат оказались дети с ключами на шеях, и он сбежал. Вот, взбудораженный таинственным телефонным звонком, он попадает в Дом 1000 дверей — и снова бежит. Вот таинственное Общество — а вот Музей дверей и его хранитель.

Стоп, или это один и тот же дом?

Мир «Номнаты» — странный, сдвинутый мир темной сказки, очищенный от примет порядком поднадоевшего отечественного городского фэнтези на его нарочито русской почве. От «магического пессимизма» с пьяными волколаками, блудливыми лешанями и волшебными панельками с отклеивающимися обоями. Да, условный Андерсен мрачен и страшен — но в мире размноженных Федоров Сологубов он свеж и ярк. Да и правдив: иногда, казалось бы, чистый эскапизм становится точнее и пронзительнее, чем любой «актуальный роман».

Расшифровывать и интерпретировать текст до поры до времени можно по-разному, намеков рассыпано предостаточно; но чем дальше, тем больше ловишь себя на мысли: а надо ли? Пусть мир остается странным, закутанным в цветной туман. Оттого шокирующий brutalный финал все же чуточку разочаровывает: хотелось бы, чтобы у этого детektива не было классической всеобъясняющей развязки. Но что поделать: понятно, что открытая концовка далеко не всякому читателю пришлась бы по вкусу.

В любом случае спасибо автору. Жаль, его роман ни одной награды в итоге так и не получил.